

Голованева Татьяна Александровна

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

В статье представлен анализ особенностей изображения пространства в мифологических рассказах (быличках-меморатах) русского населения Восточной Сибири. В ходе анализа текстов быличек-меморатов получены выводы о том, что пространство в мифологических рассказах актуализируется с разной степенью определенности. При этом наиболее высокая степень референциальной конкретности наблюдается в экспозиции, но по мере движения сюжета к кульминации определенность референции пространства снижается до минимума.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 96-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398

В статье представлен анализ особенностей изображения пространства в мифологических рассказах (быличках-меморатах) русского населения Восточной Сибири. В ходе анализа текстов быличек-меморатов получены выводы о том, что пространство в мифологических рассказах актуализируется с разной степенью определенности. При этом наиболее высокая степень референциальной конкретности наблюдается в экспозиции, но по мере движения сюжета к кульминации определенность референции пространства снижается до минимума.

Ключевые слова и фразы: референция; мифологический рассказ; быличка; меморат; хронотоп; пространство; прагматика фольклорного текста.

Голованева Татьяна Александровна, к. филол. н.

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
gta-77@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Степень референциальной определенности пространства в фольклоре зависит от жанровой специфики произведения. При этом само определение жанра фольклорного текста не всегда является однозначным, в особенности это касается вопросов разграничения жанров несказочной прозы, «постоянно взаимодействующих друг с другом и легко перенимающих друг у друга отдельные мотивы и сюжеты» [3, с. 11]. В фольклорном произведении актуализация пространства может быть реализована с разной степенью конкретности, что непосредственно коррелирует с жанром текста. В центре внимания данной статьи – мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Цель исследования – на материале быличек выявить зависимость референциальной стратегии текста от прагматики и жанровых особенностей нарратива. Анализ референциальной стратегии, актуальной для мифологических рассказов, был ориентирован на выявление специфических особенностей изображения пространства в быличках-меморатах и установление связи между степенью определенности изображаемого пространства в тексте и этапами развития сюжетного действия.

Ценнейший материал, отражающий особенности бытования меморатов среди русского населения Восточной Сибири во второй половине XX века, был собран, систематизирован и опубликован иркутским исследователем Валерием Петровичем Зиновьевым. В. П. Зиновьев в своих исследованиях наряду с обобщающим термином ‘мифологический рассказ’ использовал более узкий термин ‘быличка’. Вслед за Э. В. Померанцевой, В. П. Зиновьев придерживается мнения, что главной особенностью былички является эффект «свидетельского показания» [4, с. 382]. Былички являются частью реализацией жанра мифологического рассказа. В свою очередь мифологические рассказы являются частью народной несказочной прозы. Говоря о жанровом разнообразии несказочной прозы, В. В. Миндибекова в качестве главного организующего принципа этих текстов выделяет установку на достоверность: «То, о чем повествуется в несказочных произведениях для рассказчика и слушателя, является правдивым, в противном случае излагаемое не представляло бы особого интереса. К приёмам повествования, как бы подтверждающим факт произошедшего, относятся ссылки на старых людей, общеизвестность, указание на различные реалии и т.д., что усиливает представление о достоверности события» [5, с. 27].

В мифологическом рассказе бытовой мир и мир, сопряженный с мифологическим постижением реальности, переплетаются воедино: «В этом соединении житейской обыденности (реальности обстановки) с необычным, поражающим (встреча с фантастическим существом, чудеса) заложен секрет эмоциональной силы былички» [4, с. 387].

Соединение двух планов (реального и фантастического) происходит с опорой на языковые, в частности, референциальные возможности языка. В быличках-меморатах широко используются пространственные указатели. Топографическая конкретизация места действия позволяет «поместить» событие, невероятное с точки зрения рациональной логики, в пространство, знакомое и рассказчику, и слушателю. В быличках степень референциальной определенности изображаемого пространства является очень высокой, благодаря этому усиливается эффект достоверности повествования, что соответствует прагматике жанра. Говоря об особенностях повествовательной структуры мифологического рассказа, О. А. Черепанова отмечает: «рассказчик имеет прагматическую задачу сделать свой рассказ правдоподобным, заставить слушателя поверить в реальность событий, о которых повествуется» [6, с. 4]. Точная локализация способствует проговариванию страха. Страх – это реакция на символ, который не может быть локализован в объективном мире. Преодолеть страх возможно, если поместить его в четко ограниченное пространство.

Единство пространства и времени устойчиво определяется в литературоведении как хронотоп. В мифологических рассказах, где вся сюжетная коллизия строится на воссоздании встречи, которая происходила в «реально-объективном» пространстве, ведущим является не время, а именно пространство, поэтому степень локальной определенности в этих текстах существенно выше определенности времени.

Конкретизация пространства происходит через актуализацию топонимов, названий известных населенных пунктов, прорисовки конкретной местности. Реальность пространства, в котором произошла встреча с представителями потустороннего мира, служит гарантом реальности случившегося происшествия:

(1) *Она мне племянница, Лешкова. С двумя сестренками она шла в Коровино через Даур. А от Даура до Коровино девять километров* [4, с. 17, текст 7].

(2) *Я в девках была. В Курге жила. У меня племянник был. Мы жили на горе, а он так, под горой жил* [Там же, с. 95, текст 138].

Эффект «привязки» ситуации к конкретному пространству достигается не только посредством использования топонимов, но и при помощи детального описания места происшествия:

(3) *Это вот в Нер-городу-то, по Нерче-то. Там есть Зюльзя, так за Зюльзой туды ишо Тэкер и Окима. Я оттудова один раз шел. А посредине там, от Зюльзи-то до тех деревушек, зимовье стояло* [Там же, с. 78, текст 107].

(4) *Вот сейчас там клуб в Верхних Ключах. Этот дом-то клуб. Вот в ём чудилось* [Там же, с. 90, текст 133].

Один из сильных способов создания эффекта достоверности изображения – детальное изображение (воссоздание в тексте) локального пространства дома, улицы:

(5) *А тут однажды померещилось мне. Вот в этой же избе, где я в детях жила. Отчим с матерью на койке (раньше деревянные койки были, не железны), на койке лежат оне, а я возле них. Так вот бочка стояла, так вот шкаф. А я между бочкой и между койкой лежала* [Там же, с. 94, текст 137].

(6) *Вот было Нюра, подруга моя, и я пошли как-то вечером по воду. Где мост раньше был, там большой проулок, а потом тут колхозный двор. Мы хотели к прорубу и вот в этот проулок-то зашли* [Там же, с. 53, текст 72].

Прагматика жанра мифологического рассказа не зависит от этнических факторов. Независимо от национальной специфики мифологический рассказ апеллирует к конкретным пространственным константам объективного мира, что выражается в стремлении рассказчика любой национальности с максимальной точностью указать, где и когда произошла встреча с иными силами. Приведем пример из корякского мифологического рассказа:

(7) *То буллу котваң нучельзын Чимитык, џанко айнонкэн, титэ, аму, микин тайнатыны, џанко милымыл то мэзимэм, милуу котвалау. / 'Есть другое место на Симитке, там есть древняя, когда-то, наверное, чья-то рыбалка, там вешала и балаган, вешала есть' [1, с. 41].*

Рассказчица, этническая корячка Лилия Аймык, указывает точное место происшествия. В ее сознании изображаемая встреча со злыми духами устойчиво соотносится с определенным локусом. Особое, отмеченное в традиционной национальной культуре пространство, провоцирует появление мифических существ:

(8) *Калаг'ав' коялзэв'уыволау миңки яякв'э, үйнэ юлэз аявака. / 'Злые духи заходят в те жилища, которые долго не используют [люди]' [Там же].*

В мифологических рассказах о заколдованных местах, согласно логике развития сюжета, само пространство провоцирует ситуацию встречи с представителями иного мира. В традиционной культуре как таковой восприятие пространства неоднородно: устойчиво выделяются локусы, проникновение в которые чревато какой-либо опасностью для человека. Например, в корякской традиционной культуре такими запретными местами являются древние, давно покинутые людьми жилища, которые, по корякским поверьям, занимают злые духи. В русской народной традиции таким заколдованным, «нечистым» местом является баня:

(9) *Старики ей говорили, что одной баню замывать нельзя. А она то ли забыла, то ли посмеялась. Пошла в баню-то одна мыться, последней [4, с. 84, текст 120].*

Детальное изображение пространства в тексте былички создает ощущение упорядоченности, логичности описываемых событий. События, отраженные в мифологическом рассказе, могут быть невероятны, но в то же время вся система пространственных координат подтверждает факт устойчивости, объективности изображаемого мира. Другими словами, невероятное событие встречи с мифическим персонажем в быличках вписано в систему традиционных представлений об упорядоченности мира (о миропорядке). Совершенно иные тенденции наблюдаются в современной литературе и, в частности, в антиутопиях: «Сказочное начало, обыгрываемое в этих текстах, не несет с собой обретения целостности, а лишь подчеркивает нестабильность мира-катастрофы, в котором живут герои. Аморфность пространства и дискретность времени – признак совершенно новый для антиутопии» [2, с. 117]. В отличие от антиутопии, пространство, изображаемое в мифологическом рассказе, не является аморфным, напротив, оно естественным образом встроено в систему незыблемых координат.

В мифологическом рассказе пространство актуализируется с разной степенью определенности: освоенному, названному, человеческому противопоставлено иное, где проявляет себя мифический персонаж. В тексте мифологического рассказа описание появления нечистой силы сопряжено с деструктуризацией мира. Локальное пространство дома, упорядоченное человеком, в момент появления нечистой силы изображается как хаотичное, выходящее за свои пределы, не имеющее четких границ, лишённое какой-либо определенности:

(10) *Пошли в дом. Зашли, смотрим: в углу что-то белое чудится, то белое, а то вдруг черное. И вдруг окно как распахнется, гром грянет – все черное на окно потянуло, а на окне человек стоит, маленький, толстый [4, с. 104, текст 151].*

В приведенном эпизоде обращает на себя внимание типичный для мифологических рассказов мотив пограничия между внешним пространством и пространством дома. Пересечение этой границы (самопроизвольное открывание дверей и окон) изображается как свидетельство вторжения нечистой силы:

(11) *То двери расхлобыснутя. Вдруг все двери – раз! – все открылись* [Там же, с. 85, текст 124].

Часть мифологических рассказов строится на противопоставлении вертикально расположенных слоев дома. При этом нечистая сила может обитать как в верхнем слое дома (чердак), так и в нижнем (подполье):

(12) *Однажды сосед не выдержал и накричал на сыновей, что будто бы они там ведра забыли, вот их ветер и гоняет по крыше, по чердаку-то.* <...> *Светом осветили, а там пусто, хоть бы одна железячка какая осталась* [Там же, с. 86, текст 125].

(13) *Хозяйка в подполье ползет – кто-то юбку тянет, тянет с нее* [Там же, текст 126].

В момент явления нечистой силы определенность пространства может полностью нивелироваться, лишиться какой-либо конкретизации в тексте. Собственно мифологические персонажи приходят внезапно, непонятно откуда и уходят неизвестно куда:

(14) *Вот приходят. Вот тебя начинают баграм колоть, чтобы ты ушел. Вот-вот рассветет. Как перед этим – дак тебе знику не дают: «Уходи с нашего места, то мы тебя сожжем!».* *Кто баграм, то палками тычут. Бьется, бьется, они его окружают – он соскакивает, убегают. Отскочит – и сразу спокойно стало* [Там же, с. 116, текст 172].

(15) *Смотрю, под утро идет. А взгляд у него страшный был, ну, прямо волчий, так и сверкает из-под бровей!* <...> *Только я отвернулась на секунду – смотрю: а уж рядом собака стоит. Серая, всё равно, что волк* [Там же, с. 194, текст 283].

Перемещение мифологического персонажа, в отличие от перемещения человека, не подкрепляется указанием четких пространственных координат, но это не снижает ощущение достоверности повествования. Эмоциональное напряжение, сопутствующее моменту описания появления нечистой силы, полностью компенсирует отсутствие реалистичных деталей изображения в кульминационном эпизоде былички-мемората. Можно говорить о том, что степень референциальной определенности пространства в мифологическом рассказе снижается по мере развертывания повествования от экспозиции к кульминации. Другими словами, текст былички-мемората начинается как реалистичное повествование, но продолжается и завершается как повествование фантастическое.

Пространство, воссоздаваемое в экспозиции текста мифологического рассказа, соотносимо с пространством реального мира. Его достоверность, референциальная определенность, фактурность изображения, насыщенность деталями, узнаваемость служат гарантом реальности произошедшего события в глазах слушателей. Таким образом, последующий «факт» невероятной встречи с иными силами подкрепляется достоверностью изображаемого пространства, заявленной в экспозиции повествования.

Список источников

1. Голованева Т. А., Мальцева А. А. *Голоса корякской культуры*: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015. 172 с.
2. Ловицкий Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 6-7. С. 117-118.
3. Миндибекова В. В. *Жанровая специфика хакасских мифов*: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2004. 19 с.
4. *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири* / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
5. *Несказочная проза хакасов* / сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.
6. Черепанова О. А. *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с.

FEATURES OF SPACE DEPICTION IN MYTHOLOGICAL TALES (BY THE EXAMPLE OF STORIES OF THE RUSSIAN POPULATION OF EASTERN SIBERIA)

Golovaneva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
gta-77@mail.ru

The article presents the analysis of peculiarities of space depiction in the mythological stories (fabulates-memorates) of the Russian population of Eastern Siberia. In the analysis of texts of fabulates-memorates the author finds out that the space in the mythological stories is actualized with varying degrees of certainty. Thus, the highest degree of referential specificity is observed in the exposition, but as the plot moves to a climax, the certainty of the reference of space is reduced to a minimum.

Key words and phrases: reference; mythological story; fabulate; memorate; chronotope; space; pragmatics of folklore text.